

Память 14 июня (ст.стиль 01 июня)

Житие и страдание святого мученика Иустина Философа

Святой мученик Христов Иустин философ родился в Сирии Палестинской, в пределах Самарии, в городе, называвшемся первоначально Сихем, а впоследствии¹ Неаполис Флавил². Отец его, по имени Приск, был знатный язычник; язычником же был и сам Иустин, пока не просветился светом святой веры. Одушевленный любовью к истине, с юности имел он прилежание к книжному учению и, благодаря острому уму, успевал в науках, преподаваемых в греческих языческих школах. Усвоив себе искусство красноречия, он почувствовал стремление к философии и сначала сделался учеником одного философа - стоика³, чтобы узнать, в чем состояло учение стоиков. Иустин горел желанием получить понятие о Боге, но, пробыв несколько времени у стоического философа, он ничего не узнал от него о Боге, так как стоик не знал Бога и учение о Нем не

считал нужным. Тогда Иустин оставил этого учителя и пошел к другому философу, из так называемых перипатетиков⁴, считавшемуся мудрецом. Немного дней прошло, как этот философ уже начал сговариваться с Иустином о плате, не желая учить его даром. Видя сребролюбие своего учителя, Иустин почувствовал к нему презрение, как к лихоимцу, и решил, что этот учитель недостойн даже называться философом, так как ему неизвестно презрение к мирскому богатству. Отвергнув, по указанным причинам, стоиков и перипатетиков, Иустин, побуждаемый неудовлетворенным стремлением к истинной философии, приводящей к познанию Бога, хотел было, избрать своим учителем одного известного философа-пифагорейца⁵. Тот нашел, что Иустину должно прежде всего изучать астрономию, геометрию, арифметику, музыку и некоторые другие науки, как необходимые, - по его мнению, - в земной жизни. Но Иустин рассудил, что для изучения этих наук придется провести много лет, тогда как для души от них не будет никакой пользы; не слыша и от этого учителя ничего, что удовлетворило бы желание его сердца, с каждым днем все более распаляющегося любовью божественною, Иустин также оставил его. Потом он обратился к одному из платоников⁶, учение которых в те времена было в великой славе и уважении; платонический философ обещал научить его познанию предметов бестелесных от подобия телесных, высшим знаниям от подобия низших и разумению Бога от разумения идей, - ибо предполагаемым концом этого платонического учения был переход от познания идей к разумению Бога. Блаженный Иустин охотно склонился на такой путь, надеясь постигнуть предмет своих стремлений - божественную мудрость, дающую знание Бога и исполняющую благодатью Его. При учителе платонике пробыл он довольно времени, скоро изучил догматы и уставы Платона, и достиг совершенства и славы, как еллинский философ. Но истинного христианского богопознания достичь этим путем Иустин еще не мог, ибо Греческие философы, почитая нетленного Бога под тленным образом людей, птиц, четвероногих и гадов, прославляли Его не по достоинству. Все же Иустин имел некоторое духовное утешение, упражняясь в богомыслии и поучаясь богопознанию, на сколько мог постигнуть его ум, еще не просвещенный истинным учением.

Прогуливаясь однажды за городом, на уединенном месте вблизи моря и обсуждая в уме различные философские учения, Иустин увидел какого то незнакомого ему почтенного старца, убеленного сединами. Когда он со вниманием смотрел на старца, последний сказал:

- Разве ты знаешь меня, что так внимательно на меня смотришь?

- Не знаю, - отвечал Иустин, - но мне удивительно видеть тебя в этом пустынном месте, где я не ожидал никого встретить.

- Родные мои, - сказал старец, - ушли в ту сторону; ожидая их возвращения, я вышел им навстречу, чтобы издалека увидеть их. А ты здесь что делаешь?

Иустин отвечал:

- Я люблю прогуливаться в уединении, чтобы беспрепятственно размышлять о философии.

- Какую же пользу приобретаешь ты от философии? - спросил старец.

Иустин отвечал:

- Что можно найти полезнее философии? Она - просветительница ума, вождь и наставница всякому рассуждению, руководительница жизни; кто хорошо узнает ее, тот как в зеркале видит невежество и заблуждение других; без философского учения и правильного употребления разума не может существовать премудрость. Поэтому должно каждому человеку поучаться философии, дабы знать, что приносит пользу и что нет, чего следует держаться и что отвергать.

- Но приносит ли философия счастье человеку? - спросил старец.

Иустин отвечал:

- Конечно приносит.

- Скажи же мне, что такое философия, и в чем от нее счастье?

- Философия, - отвечал Иустин, - есть разумение всего существующего и познание истины; в обладании тем же разумением и премудростью состоит и приносимое философией счастье.

Старец спросил:

- Если истина познается с помощью правильного философского разумения, то что скажешь ты о Боге?

Иустин отвечал:

- Существо - никогда не изменяющееся, но всегда пребывающее в одном и том же состоянии, первопричина всякого бытия, - вот как мыслю я о Боге.

Старцу понравился этот ответ, и он продолжал вопросы:

- У всего существующего есть ли один общий разум? Ведь о сведущем в каком-либо искусстве говорят, что он это искусство понимает: землемерие ли то, мореплавание или врачевство; не то же ли бывает и по отношению к прочим вещам божественным и человеческим? Еще скажи мне: есть ли такой разум: которого исходит познание вещей как божественных, так и человеческих?

- Поистине есть, - отвечал Иустин.

- Одно и тоже ли: разуметь Бога, или разуметь музыку, арифметику, астрономию, или что-либо подобное?

- Совсем нет. Иное дело разуметь Бога, иное - знать какое-либо искусство.

Ты хорошо отвечал, - сказал старец, - некоторые знания получаются нами или от слуха и учение или от созерцания предмета собственными глазами. Если бы, например, кто сказал тебе, что в Индии водится такой-то зверь, не похожий ни на каких других зверей, но совершенно, по своим разнообразным свойствам, отличный от них, - не видел его своими глазами, ты не мог бы знать о нем, а не слышав сначала сам рассказа об этом звере, не мог бы рассказать о нем и другому. Вот теперь я и спрашиваю тебя: как ваши еллинские философы могут правильно разуметь о Боге и утверждать о Нем что либо истинное, если никогда не видели Его, не слышали и, следовательно, не имеют никакого познания о Нем?

Иустин отвечал:

- Отче! Сила Божества зрится не телесными очами, как рассматриваются человеком какие-либо земные живые существа, но одним лишь умом можно постигать Бога, как говорит Платон, учению которого я следую.

Старец спросил:

- Нет ли в уме нашем некоей силы с такими свойствами и настолько могущественной, посредством которой мы могли бы скорее постигать невидимое, чем познаем телесными чувствами какую-либо вещь?

Иустин отвечал:

- Воистину есть такая сила; Платон называет ее оком ума, которое, по его учению, дано человеку с тою целью, чтобы, очищенное и просвещенное учением любомудрия, могло оно созерцать самую божественную истину, причину всех вещей, постигаемых умом. Истина же эта не имеет определенного образа, или какого либо подобия, или возраста, или чего либо доступного телесным очам, но есть Существо выше всех существ, непостижимое, неисповедимое, соединение благодати и красоты; самим же этим Существом от начала насаждено в благородных душах желание познавать Его, - ибо Оно любит, когда такие души Его познают и созерцают.

Старцу было приятно слышать такие слова, но всё же он не был вполне доволен этим рассуждением Иустина о Боге по учению Платона, как несовершенным по отсутствию христианского исповедания и, не одобряя Платона, сказал:

- Если Платон так учит, как ты исповедуешь, то почему он сам не познал и не постиг истины Божией? Утверждая, что Бог невидим и непостижим, он видимой твари, небу, звездам, деревьям и камням, обтесанным в подобие человеческое, поклонялся как Самому Богу и, обращал в ложь истину Божию, держался кумирслужения, и учил тому других. Я не думаю, чтобы Платон и прочие еллинские философы обладали правильным разумом, могущим достигать истинного Богопознания: **"осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели"** (Рим.1:21-22).. Словом, скажу так: ум человеческий, не наставленный Духом Святым и не просвещенный верою, совершенно не в состоянии познавать и разуметь Бога.

Так и много подобного сему говорил старец о правом боговедении, истинном богопочитании и о прочих божественных вещах, обличая заблуждение еллинских философов. Дивясь речам старца, Иустин спросил:

- Где же и какого учителя можно найти для наставления в истине, если в Платоне и прочих философах нет истины?

Тогда старец начал повествовать ему о святых пророках, говоря:

- В древнейшие времена, гораздо ранее всех философов, были некие мужи святые, праведные и угодные Богу; исполненные Духа Святого, они предсказывали о том, что совершается ныне, и называются те мужи пророками. Они одни прежде всех познали истину и, возвещая ее людям, ни перед кем не смущались и никого не боялись; никто не мог убедить их в одном слове отступить от истины, и суетная слава не могла победить их. Обо всем, что они созерцали или слышали от Бога в бывших им откровениях, они говорили просто, истинно и безбоязненно. Писание их и ныне существуют; кто читает их с верою, тому приносят они много пользы и просвещают ум к познанию истины. Не хитрословием и не какими либо софистическими⁷ доводами или умозаключениями подтверждают свои слова эти святые пророки, но в простой беседе изрекают самую истину, ибо они сами, помимо всех софистических доводов, - вернейшие свидетели истины, как веровавшие в единого истинного Бога, Создателя всего существующего, и предвозвестившие пришествие в мир Сына Его, Господа Христа. И несомненно, что пророки заслуживают веры, так как одни предречения их уже исполнились, а другие ныне исполняются. Истину же некоторых из своих предречений они утверждали и чудесами, творя дивные дела силою, подаваемой им свыше Божией благодати, чего ложные, не Богом поставленные, пророки никогда не могли творить, а лишь устрашали людей некими бесовскими привидениями и обманами.

Так беседовал с Иустином незнакомый ему блаженный муж, и наконец сказал ему:

- Прежде всего молись прилежно истинному Богу, да откроет тебе двери света, ибо только тот может созерцать и разуметь божественное, кого Бог Сам удостоит откровения; открывает же Он всякому, кто ищет Его молитвою и приближается к Нему любовью.

Так сказав, старец отошел от него и стал невидим; никогда и нигде потом Иустин уже не мог найти и увидеть сего мужа. О своих сердечных ощущениях после ухода старца сам Иустин, в беседе с славным иудеянином Трифоном, поведал так:

- Какой-то огонь разгорелся во мне, воспаляя дух мой стремлением к Богу, и возросла во мне любовь к святым пророкам и к тем мужам, которые суть друзья Христовы. Размышляя о словах старца, я познал, что возвещенная им философия - единственно истинная, начал читать пророческие и апостольские книги и от них стал действительно философом, то есть истинным христианином.

Поведав это о себе впоследствии Трифону, блаженный Иустин предал одновременно памяти, с чего началось обращение его к Богу, когда незнакомым мужем, как бы посланным с небес, он был наставлен на правый путь.

После душеполезной беседы с боговдохновенным старцем, Иустин немедленно обратился к христианским книгам и с сердечным прилежанием начал читать божественные писания. Древние пророчества сивилл⁸ он сопоставлял с предсказаниями святых пророков о воплощении Христа от Пречистой Девы, о Его вольных страданиях, о будущем суде и о кончине видимого мира; усматривая полное согласие в тех и других, дивился, и понемногу, под внутренним наставлением Святого Духа, приходил к более совершенному познанию Бога и Сына Божия. День ото дня усиливалось в душе его стремление к благочестию и, склоняясь к христианской вере, он осуждал в себе еллинское безумие. В то время немалым препятствием для добрых намерений души, стремящейся к христианскому благочестию, были частые и лютые гонения на христиан, а также много бесчестных, постыдных, слухом невмещаемых, клевет в пороках, ложно возводимых на христиан язычниками, - будто бы христиане в своих ночных (молитвенных) собраниях, погасив светильники, вместе с тем угашают и свет чистоты, взаимно оскверняясь нечистотою, и подобно зверям едят человеческое мясо. Такими и подобными гнусными нареканиями язычники и иудеи обесславливали неповинных христиан перед всеми народами. Лжи нечестивых и безумных людей верили, как бы самой истине; и все неверные ненавидели христиан, людей праведных и святых, гнушались ими, презирали и отвращались от них, как от великих беззаконников, повинных тяжким грехам, и предавали христиан на смерть после многих и разнообразных мук. Эти обстоятельства сначала препятствовали Иустину в его намерении присоединиться к христианам; но всё-таки он не давал особой веры обвинениям, возводимым на христиан, зная хорошо, что часто неразумным народным судом неповинные осуждаются как виновные, чистые обесславливаются как развратники и праведные считаются грешниками. Видя же, что христиане безбоязненно дают ответы в судах, мужественно переносят муки, все видимые блага мира сего презирают как сор, добровольно отдаются на мучение за Господа своего и стремятся на смерть, как на пир, - Иустин рассуждал в себе:

- Неправда то, что говорят о христианах, будто бы они творят такие беззакония: грешник, погрязший в необузданных чувственных наслаждениях и из сластолюбия потребляющий человеческое мясо, не переносит мук, не отдает себя добровольно на раны, но избегает их; будучи же привлечен к какому либо суду, старается всячески избавиться и не жалеет средств, чтобы откупиться от наказания, дабы потом жить безболезненно и, пользуясь телесным здоровьем, еще более предаваться своим похотям. Не таковы христиане: добровольно избирая страдание за Христа, в Которого веруют, и, предпочитая смерть жизни, разве могут они настолько любить грех?

Так рассуждая, он тщательно разузнавал о жизни христиан и вполне убедился, что они пребывают в страхе Господнем

чисто и непорочно, рачительно соблюдают свое целомудрие, постом и воздержанием постоянно умерщвляют себя, часто молятся и всегда упражняются во всяких добрых делах.

Убедившись во всем этом, Иустин весьма полюбил христиан: всего сердца привязался к ним и принял святое крещение. И стал он великим поборником Христовой веры, борцом словом и писанием против еллинов и иудеев, непобедимым воином Христа, крепким и мужественным подвижником.

Стремясь к спасению душ человеческих, он обходил различные страны: учил и проповедывал о имени Христовом, обращая неверных от заблуждения их к Богу. Пришел он и в Рим⁹, как философ, - в философском одеянии, вместе с учениками своими. Так как многие сходились к нему для учения, то он образовал училища и под видом внешнего любомудрия учил истинной христианской философии. Встретив там Маркиона¹⁰, основателя ереси, он с силою противостоял ему, опроверг и написал книги против ересей его, а также и против других еретических учений. Там же в Риме был некий языческий философ-циник¹¹ Крискент, великий враг христиан; с этим нечестивым философом истинный христианский философ святой Иустин непрестанно боролся словом и писал против него книги. Этот циник, сам живя нечисто и весьма незаконно, ненавидел христиан за их целомудренную жизнь по Богу и завидовал доброй славе Иустина, пользовавшегося за свою боговдохновенную премудрость и чистую, непорочную жизнь почетной известностью у всех римлян. В злобе своей циник клеветал на христиан обвиняя их во многих постыдных делах, чтобы обесславить Иустина вместе с его единоверцами в глазах народа и возбудить к ним отвращение. Слыша и видя это, святой Иустин говорил:

- Я готов пострадать за веру Христову и претерпеть смерть от неверных; и думаю, что она постигнет меня чрез этого Крискента циника, безумного, любящего гордость больше мудрости, который недостойн названия философа, ибо осмеливается утверждать то, чего достоверно не знает, будто христиане-безбожники, (не имеют Бога), и делают много нечистого и незаконного; так хулит он нас по ненависти и злобе и тем хуже простых людей, ибо последние не дерзают что либо говорить о вещах, которых не знают.

Царствовал тогда в Риме Антонин¹², преемник Адриана. Сам Антонин не был озлоблен против христиан; однако, в силу указов прежних царей, нечестивые идолопоклонники, правившие народом, гнали и убивали христиан из великой ненависти к ним, а также из лихоимства, чтобы грабить имения их; и не столько ради исповедания имени Христова, сколько по ложным клеветническим обвинениям во многих беззакониях, верных предавали суду, допрашивали во взводимых клеветах и казнили различными видами смерти. В это время в Риме произошел такой случай: некая женщина язычница, жившая нечисто, услышав от христиан слово об истинном Боге и учение о целомудренной жизни, о воздаянии праведным и о муке грешным, умилилась душою и уверовала во Христа. Мужа своего, усердного идолопоклонника, погрязшего в плотской нечистоте, она всячески увещевала, желая наставить на воздержную жизнь и обратить к истинной вере. Когда же она увидела, что совершенно не в состоянии исправить его, то изыскивала средства расторгнуть супружеский союз с ним, чтобы не жить вместе и не оскверняться уже более нечистотою. Муж, узнав, какой христианин научил жену его христианской вере, пошел к градоначальнику жаловаться на христианина, имя которого было Птоломей. Раб Христов Птоломей был взят, долго содержался в смрадной темнице и, преданный суду, был приговорен к смерти градоначальником. Во время этого несправедливого суда стоял там некий муж, по имени Лукий, и видя, что блаженный Птоломей осужден невинно, сказал несправедливому судии:

- За какую вину, градоначальник, ты продаешь на смерть мужа, невинного смерти? Он не прелюбодей, не насильник, не убийца, не вор, не хищник, в другом каком либо беззаконии также не обличен. Единственная его вина та, что он исповедал себя христианином.

Грозно взглянув на говорившего, градоначальник со злобой спросил:

- И ты не из числа ли христиан?

Лукий отвечал:

- Да, я христианин.

Тогда градоначальник и его повелел предать смерти. Присоединился к этим двум христианам и третий, друг их, во всеуслышание исповедавший себя христианином; и все трое положили души свои за Христа.

У Блаженный Иустин, узнав об этом несправедливом убиении святых, исполнился скорби, написав свиток, или апологию¹³, доказывающую неповинность христиан, вручил ее царю, сыновьям его и всему сенату, безбоязненно готовый на муки и смерть за Христа. Царь со вниманием прочитал этот свиток, подивился премудрости христианского философа и не только не прогневался на него и не предал его смерти, но даже похвалил разум его. В этом свитке Иустин изобличал ложность языческих богов, ясно изобразил всемогущество Христа, доказал, что обвинения, возводимые на христиан, ложны, и что жизнь их целомудренна и праведна. Умилившись, царь повелел, чтобы христиан за исповедание имени Христова не мучили и имений их не грабили, кроме случаев преступлений, поистине достойных осуждения и казни.

Святой Иустин записал это царское повеление; отпущенный царем, он с его соизволением отправился в Азию, где тогда христиане особенно подвергались гонению. В философской одежде, которую не оставлял он до кончины своей, Иустин пришел в Ефес¹⁴, объявил и изъяснил всем повеление царя и послал его в окрестные страны и города. Настала тишина в Церкви Христовой, гонение на время прекратилось, и верным была великая радость. Пребывая в Ефесе, святой Иустин имел прения с премудрым раввином иудейским Трифоном и одержал победу, ссылаясь на ветхозаветное Писание; об этом прении, как и о вышеназванной апологии, есть в книге Иустина пространное слово¹⁵.

Пробыв в Ефесе довольно времени, он снова возвратился в Италию и, по примеру Апостолов, всюду в пути проповедывал Христа, обращал путем прений к святой вере иудеев и еллинов и утверждал в ней верных. Когда он пришел в Рим, восстал на него с сильнейшею ненавистью и большею злобою вышеназванный еллинский философ Крискент циник; святой Иустин часто имел с ним прения, всегда его одолевал и посрамлял пред всеми. Не будучи в состоянии противостоять Иустину и не зная, что иное делать, злобный Крискент возвел на него много ложных обличений перед римским судом. Святого взяли и, как повинного наказанию, мучили в узах и истязали на суде; но не нашлось в нем никакой вины. Завистник же, боясь, чтобы Иустина не отпустили на свободу, тайно приготовил смертный яд, посредством которого обманным образом и лишил жизни непобедимого воина Христова.

Так скончался¹⁶ истинный христианский философ святой Иустин, оставив по себе много писаний, весьма полезных Церкви Христовой и исполненных премудрости Святого Духа¹⁷. Представ подвигоположнику Христу Господу, он принял от Него венец страдальческий и был причислен к лику святых мучеников, славящих Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, во веки, аминь.

Кондак, глас 2:

Премудростию божественных твоих словес Иустине, церковь Божия вся украсившись, жития твоего светлостью мир освещает: излишня же ради крове венец прием, и со ангелы предстоя Христу, моли непрестанно о всех нас.

¹ По завоевании Палестины Римлянами (I в. по Р. Хр.).

² Нынешний Наблус.

³ Основатель стоического учения-Зенон (III в. до Р. Хр.); оно было по преимуществу практическим и имело целью научить господству над страстями и равнодушию при всяких обстоятельствах жизни.

⁴ Перипатетики - последователи Аристотеля (IV в. до Р. Хр.); они учили, что всякое познание берет начало из опыта.

⁵ Характер учения Пифагора (V в. до Р. Хр.) виден из наставлений пифагорейца Иустину.

⁶ Платон (IV в. до Р. Хр.) признавал врожденными понятия о Боге, истине и добре, самостоятельность существования души и т. п. Его учение ближе к христианскому, чем прочие древние философские учения.

⁷ Софисты отрицали возможность положительного знания вещей и брались за доказательство любой, даже ложной мысли. Отсюда софизм - правильный вывод из ложного основания.

⁸ Сивиллы - предсказательницы будущего у греков и римлян. В приписывавшихся им предсказаниях указываются довольно ясно различные обстоятельства земной жизни Спасителя.

⁹ Рим - главный город Римского государства, лежит в средней части Италии по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

¹⁰ Маркион принадлежал к еретикам - гностикам и учил, что видимый мир сотворен не Богом, а низшими Его силами; ветхий завет он отвергал.

¹¹ Циники (основатель учения-Антисеен IV в. до Р. Хр.) доводили до крайности учение о простоте в жизни, отвергая науку, искусство и всю внешнюю культуру.

¹² Известны две апологии св. Иустина: первую, написанную не ранее 150 г. и заключающую в себе 68 глав, он пытался доставить христианам покровительство императора Антонина; второю (написанную приблизительно в 162 г.) расположить Марка Аврелия к более кроткому обращению с христианами. В своих апологиях Иустин философ говорит "от имени несправедливо ненавидимых и гонимых христиан".

¹³ Доблестные мужи, в пору тяжких гонений на христиан в II и III веках выступавшие пред римским правительством и обществом в качестве литературных защитников христиан и обличителей язычества, в истории церкви известны под именем апологетов - т. е. защитников, а их сочинения носят общее название апологий. В истории христианской церкви известны следующие апологеты; на Востоке: Аристид, Кодрат, Мелитон, еп. Сардийский, Татиан, Афиноген, Мильтиад, св. Феофил, еп. Антиохийский; на Западе: Минуций Феликс, Квинт Септимий Тертуллиан, Арнобий, Лактанций и св. Киприан, еп. Карфагенский.

¹⁴ Ефес - главный город Мало-азиатской провинции Азии; расположен на реке Каистре. В настоящее время на месте древнего г. Ефеса находится бедная турецкая деревушка, называемая Сейся-Селюк.

¹⁵ "Разговор с Трифоном иудеянином".

¹⁶ В 165-166 годах.

¹⁷ Кроме упомянутых, древним известны были сочинения св. Иустина: "Замечание о душе", а также: "Обличение против Еллинов", "Речь против Еллинов", содержавшие в себе обличение язычества. Святым Иоанном Дамаскиным сохранена значительная часть не дошедшего до нас сочинения Иустина о Воскресении". Известный церковный историк Евсевий утверждает, что Иустином была написана книга "Певец", "Обличение всех бывших ересей" и книга "Против Маркиона". Сам Иустин философ в первой апологии упоминает о своем сочинении против ересей. Самым замечательным произведением Иустина философа являлось сочинение - диалог против иудеев под заглавием "Разговор с Трифоном иудеянином".

Страдание святого мученика Иустина и дружины его

В то время, когда идолопоклонники по всем странам и городам против благочестивых и соблюдающих благий закон христиан издали нечестивое повеление, чтобы всякий, верующий во Христа, принуждался приносить жертву идолам, были взяты святые мученики Иустин, Харитон и Харита (женщина), Евелпист, Иеракс, Пеон и Валериан, приведены в Рим и представлены на суд градоначальника Рустика. Тот сказал Иустину:

- Окажи ловиновение богам и царским повелениям, чтобы не подпасть осуждению.

Святой Иустин отвечал ему:

- Никто и никогда не может быть осужден, если повинуется заповедям Спасителя нашего Иисуса Христа.

Какого учение ты держишься? - спросил градоначальник.

Иустин отвечал:

- Я прилежно изучал всякие внешние учение и достиг искусства во всяком знании, но потом присоединился к истинному христианскому учению, - хотя бы оно и не одобрялось теми, кто заблуждается в неправом мудровании.

Тогда сказал Рустик:

- Так ты, окаянный, любишь учения, противные нашему мудрованию?

Да, люблю, - отвечал святой Иустин- ибо следую справедливому учению христиан.

Что это за учение?

Правое учение, которое мы, христиане, нерушимо соблюдаем, таково: знать единого Бога, Творца и Создателя всего видимого и невидимого, и исповедывать Господа Иисуса Христа Сына Божия, некогда предвозвещенного пророками, Который придет судить человеческий род. Он есть Проповедник спасения и Учитель желающих утвердиться в

добродетели. О бесконечном Божестве Его я, человек немощный, меньший из всех, не могу говорить с достаточной силою, но исповедую, что это предсказано пророками: они за много веков предвозвестили сошествие на землю Того, Кого наименовал я Сыном Божиим.

Градоначальник спросил:

Куда сходятся христиане?

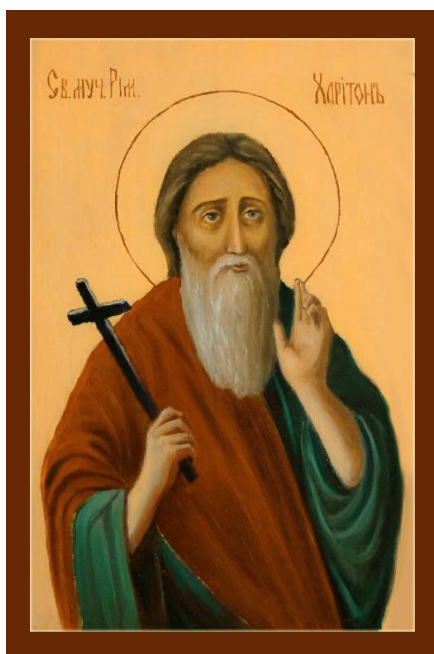
Иустин отвечал:

- Всякий приходит туда, куда хочет и может. Разве ты думаешь, что мы все собираемся в одно место? Это дело несбыточное: ибо Бог христианский не пребывает в каком либо месте, но, будучи невидимым, наполняет небо и землю; везде поклоняются Ему верные, и слава Его провозглашается повсюду.

Сказал градоначальник:

- Всё-таки ответь нам, куда вы сходитесь, и где собираешь ты своих учеников. Иустин отвечал:

- Я доселе находился близ дома некоего Мартина, при бане, называемой Тимиотини, пришел же в город Рим во второй раз, и другого места, кроме названного, не знаю; всякого, пожелавшего прийти ко мне, я присоединял к истинному учению.

- Итак ты христианин? - спросил Рустик.

- Да, я христианин, отвечал Иустин. Тогда градоначальник обратился к Харитону:

И ты не христианин ли?

Отвечал святой Харитон:

- С помощью Божией, и я христианин.

Потом спросил Рустик блаженную жену Хариту, следует ли и она Христовой вере; Харита также объявила себя христианкой, по благодати Божией. Потом Рустик спросил Евелписта:

А ты кто?

Я царский раб, - отвечал тот- но, как христианину, Сам Христос даровал мне свободу; Его милосердием и благодатью стал я участником той же надежды, как и те, которых ты видишь.

Затем градоначальник спросил Иеракса, не христианин ли и он. Иеракс ему отвечал:

- Поистине, и я христианин, ибо почитаю Того же Бога и поклоняюсь Ему.

Вас сделал христианами Иустин? - спросил градоначальник.

Иеракс отвечал:

- Я и был, и буду христианином.

Бывший тут же святой Пеон сказал:

- И я христианин.

- Тебя кто научил христианству?

От родителей принял я это доброе исповедание, - отвечал Пеон.

Потом сказал Евелпист:

- И я от родителей моих получил наставление в христианстве, внимая же словам Иустина, еще сильнее укрепился в христианской вере.

- Где же твои родители? - спросил градоначальник:

- В Каппадокии.

Потом градоначальник спросил Иеракса:

В какой стране живут твои родители?

Иеракс ему отвечал:

- Истинный Отец наш -Христос, а мать - вера в Него; земные родители мои преставились, я же пришел сюда из Иконии Фригийской.

Обратился градоначальник к Валериану, побуждая и его к ответу:

Ты также христианин и к богам не усердствуешь?

Валериан отвечал:

- И я христианин, почитаю единого истинного Бога и Ему поклоняюсь, ваших же богов презираю.

Снова градоначальник обратился к Иустину:

- Слушай ты, называющийся красноречивым и считающийся последователем истинного учения: если начиная с головы по всему телу покроешься язвами, то думаешь ли чрез это войти на небо?

Иустин отвечал:

- Если я претерплю названное тобою мучение, то надеюсь получить такое же воздаяние от Господа моего, какое уготовано сохранившим Христово учение; ибо я знаю, что всех, благочестиво поживших и как либо пострадавших за Бога, ожидает до скончания всего мира сокровенная Божия благодать.

На это градоначальник Рустик сказал:

- Итак ты полагаешь взойти на небо и получить некоторую награду от Бога твоего?

- Не полагаю, - возразил Иустин, - но знаю достоверно и надеюсь на это без сомнения.

Сказал Рустик:

Однако приступим к предстоящему нам делу: соберитесь вместе, и все вместе принесите жертву богам.

На это Иустин возразил:

- Никто, рассуждающий здраво, не захочет лишиться благочестия и впасть в заблуждение и беззаконие.

Градоначальник Рустик сказал:

- Если вы не будете повиноваться нашим повелениям, то понесёте муки без всякого помилования.

Иустин отвечал:

- Воистину желаем претерпеть муки за Господа нашего Иисуса Христа и спастись, ибо эти муки исходатайствуют нам спасение и дерзновение на Страшном Суде Его, на который по повелению Божию предстанет весь мир.

Так же говорили и все прочие святые мученики, присовокупляя:

- Исполни скорее намерение свое; мы христиане, - идолам приносить жертву не будем.

Выслушав это, градоначальник объявил приговор:

- Не желающие принести жертву богам и покориться царскому повелению да будут наказаны жезлами и отведены на смертную казнь через обезглавление, как повелевают римские законы.

Так святые мученики, славящие Бога, были выведены на обычное место казней, приняли раны и, усеченные секирою, окончили страдание в спасительном исповедании. Потом некоторые из верных тайно взяли их честные тела и погребли на достойном месте, при содействии благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Агапита Печерского, безмездного врача

Когда преподобный отец наш Антоний Печерский¹ был прославлен даром исцеления, пришел к нему в пещеру из Киева блаженный Агапит, желая получить душевное исцеление через пострижение в иноческий чин; удостоившись желаемого, он всем сердцем последовал ангелоподобному житию преподобного Антония, руководясь и его наставлениями. Агапит был очевидцем того, как этот великий муж сам служил болящим и исцелял их своею молитвою, причем скрывая дарование, данное молитве его, вручал недужным под видом лекарства травы от пищи своей. Видя это, блаженный Агапит начал соревновать святому старцу в подвигах и трудился так много лет; когда расхварывался кто-либо из братии, блаженный оставлял келлию свою, в которой не было ничего, что можно было бы похитить, приходил к болящему брату и служил ему: поднимал его, укладывал, выносил на своих руках, и

непрестанно молил Бога об исцелении недужного; если же болезнь иногда и затягивалась, то чрез это Господь желал умножить веру и усилить молитву раба Своего Агапита. Подражая подвигам преподобного Антония, блаженный Агапит сподобился быть участником и равной с ним благодати: молитвою своею он исцелял всех болящих, также подавая им травы, которые варил в пищу себе, за что, собственно, и был прозван врачом. О нем распространилась молва в Киеве, и много болящих приходило к нему, отходя здоровыми.

В то время жил во Киеве некий врач, происхождением и верою армянин, настолько искусный в своем деле, что раньше не было равного ему. Достаточно было ему взглянуть на болящего смертным недугом, как он тотчас узнавал и объявлял день и час его кончины, и всегда безошибочно; такого больного он уже ни за что не хотел лечить. Один из болящих такого рода, первый боярин у великого князя Всеволода², которого армянин поверг в отчаяние, предсказав смерть чрез восемь дней, был принесен в Печерский монастырь. Но блаженный Агапит, сотворив молитву о нем, дал ему в пищу трав, которые вкушал сам и исцелил его; и немедленно прошла о нем слава по всей земле русской. Армянин, уязвленный стрелою зависти, начал укорять блаженного и послал в Печерский монастырь одного осужденного на смерть, который должен был принять пред Агапитом яд и умереть. Блаженный, видя этого человека умирающим, дал ему с молитвою о нем той травы, которую вкушал сам, и этим избавил от смерти обреченного на смерть. С тех пор армянин особенно вооружился на блаженного и подговорил своих единоверцев подать самому Агапиту питье с примесью смертного яда; блаженный же принял и остался невредимым. **"Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения"** (2Пет.2:9) по слову Своему: **"если что смертоносное выпьют, не повредит им"** (Мрк.16:18).

Потом разболелся в Чернигове князь Владимир Всеволодович Мономах³. Армянин хотя и старательно врачевал его, но безуспешно, так что недуг всё более и более увеличивался. Уже будучи при кончине, князь просил тогдашнего игумена Печерского Иоанна прислать к нему в Чернигов для врачевания блаженного Агапита. Игумен призвал его и известил о просьбе князя, но блаженный Агапит, которого никто еще не видел выходящим из ворот для врачевания вне монастыря, со смирением сказал:

- Если я пойду для этого дела к князю, то и ко всем должен идти. Прошу тебя, отче, не побуждай меня выходить за монастырские ворота ради славы человеческой, избегать которой обещался я пред Богом до последнего издыхания. Если позволишь, лучше я удалюсь в иную страну и потом опять возвращусь сюда, когда минет эта нужда.

Посланный князя, убедившись, что не будет в состоянии призвать к своему господину самого блаженного Агапита, начал просить, чтобы он дал хотя трав для исцеления. По убеждениям игумена, блаженный дал посланному трав от пищи своей; их принесли к князю, последний вкусил и немедленно выздоровел, по молитвам блаженного.

Тогда князь Владимир Мономах пришел сам в Печерский монастырь, желая видеть того, чрез кого Бог возвратил ему здоровье; он никогда не встречался ранее с блаженным и теперь желал почтить его, щедро одарив. Но Агапит, не желая земной славы, скрылся; тогда князь отдал игумену принесенное для угодника Божия золото. Но спустя немного времени, тот же Владимир снова послал одного из своих бояр со многими дарами к блаженному Агапиту. Посланный нашел святого Агапита в келлии и положил пред ним подарки князя. Блаженный сказал ему:

- Чадо, никогда, ни от кого и ничего не брал я (за исцеление), потому что исцелял силою не своею, но Христовою; не требую этого и ныне.

Боярин отвечал:

- Отче. Пославший меня знает, что ты ничего не требуешь; но умоляю тебя прими это, чтобы утешить сына твоего, которому чрез тебя Бог даровал здоровье; дар же отдай, если тебе угодно, нищим.

Старец отвечал ему:

- Если ты так говоришь, то приму с радостью. Скажи пославшему тебя, что и прочее, что у него есть, - чужое, и ничего не возьмет он с собою, когда будет разставаться с жизнью; поэтому пусть и остальное раздаст он нищим. Ибо Сам Господь, Который находится среди обездоленных, избавил его от смерти, я же сам по себе никакого успеха не имел бы; и прошу, чтобы он не ослушался этих наставлений моих, дабы не пострадать более сильно.

С такими словами блаженный Агапит взял принесенное золото и вышел с ним из келлии, как бы для того, чтобы спрятать его; вынес и бросил, сам же бежал и скрылся. Спустя немного времени боярин вышел, увидел брошенные пред воротами дары, поднял и отдал игумену Иоанну. Возвратившись к князю, он рассказал ему всё что видел у блаженного и что слышал от него; и все уразумели, что это - истинный раб Божий, ищущий награды от одного Бога, а не от людей. Князь же, не осмеливаясь ослушаться святого, начал раздавать нищим щедрую милостыню.

После многих богоугодных трудов и подвигов, впал в болезнь и сам безмездный врач, блаженный старец Агапит. Узнав об этом, вышеупомянутой врач армянин пришел посетить его и начал спорить с ним о врачебном искусстве, спрашивая, каким средством лечится недуг Агапита.

Блаженный отвечал:

- Тем, каким подает здоровье Сам Господь, врач души и тела.

Армянин счёл его совершенно не знающим врачевания и сказал сопровождавшим его:

Он ничего не знает в нашем искусстве.

Потом, взял его за руку и сказал:

- Говорю истину: на третий день он умрёт; если изменится слово мое, то я изменю жизнь мою, и сам стану таким же монахом.

Блаженный с горячностью сказал:

- Так вот способ твоего врачевания: больше говорить о смерти, чем о помощи! Если ты искусен, дай мне жизнь; если не можешь этого, зачем унижаешь меня и осуждаешь на смерть в третий день? Меня же известил Господь, что через три месяца отойду я к Нему.

Снова сказал ему армянин:

- Вот ты уже весь изменился; такие никогда не выживают дольше трех дней.

Святой Агапит действительно был в крайнем изнеможении, так что без посторонней помощи не мог даже двинуться. Между тем к блаженному Агапиту, самому сильно болящему, принесли для исцеления некоего больного из Киева. Блаженный с Божию помощью немедленно встал, как бы и вовсе не болел, взял обычную свою траву, которую вкушал, и показал армянину, говоря:

Вот трава, которою я врачую: смотри и разумеи.

Тот, посмотрев, сказал святому:

Это не из наших трав, но, думаю, из Александрии.

Блаженный, осуждая невежество его, дал болящему вкусить травы, помолился и немедленно сотворил его здоровым. Потом он сказал армянину:

- Сын мой, прошу тебя, вкуси этой травы со мною, если хочешь, ибо ничем иным не могу угостить тебя.

- Отче, отвечал ему армянин - мы в этом месяце постимся четыре дня, и теперь я держу пост.

Услышав это, блаженный спросил его:

Кто ты, и какой веры?

Тот отвечал:

Разве ты не слышал обо мне, что я армянин?

Тогда блаженный сказал ему:

- Как же ты осмелился войти сюда и осквернить мою келлию, да еще держишь меня за грешную мою руку? Выдь от меня, иноверный⁴ и нечестивый.

И тот, посрамленный, удалился.

После того блаженный Агапит прожил, как предрек ранее, три месяца и, немного поболев, отошел ко Господу. Будучи на земле врачом безмездным, он принял великую награду уже на небе, где нет болезни. Братия приготовили к погребению честное тело его и с обычным пением положили в пещере преподобного Антония⁵. По кончине святого, пришел армянин в Печерский монастырь и сказал игумену:

- Отныне я оставляю армянскую ересь и истинно верую в Господа Иисуса Христа, для Которого желаю трудиться в святом иноческом чине. Блаженный Агапит явился мне и сказал:

- Ты обещался принять иноческий образ; если солжешь, то погубишь и жизнь, и душу. Я верую, что явившийся мне свят, и если бы хотел он дольше жить здесь, то это даровал бы ему Бог. Я полагал, что он не переживет трех дней, а Бог прибавил ему три месяца, а если бы он желал, то жил бы и три года. Но я думаю, что сам он, как святой, захотел оставить нас, стремясь в Царство святых и если преставил его Бог из временной жизни в сей обители, за то даровал ему жизнь вечную в обителях небесных. Поэтому желаю скорее исполнить повеление этого святого мужа.

Игумен, выслушав армянина, постриг его в иноческий образ и долго наставлял врача телес, чтобы он, последуя блаженному Агапиту, был искусен во врачевании своей души. Армянин подвизался богоугодно и, проведя остальную жизнь в том же Печерском монастыре, здесь же принял блаженную кончину, предав душу свою в руки врача душ и телес, Господа нашего Иисуса Христа, славимого с безначальным Отцом и с Пресвятым, благим и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

¹ Преп. Антоний, родом из Любеча (в 40 верстах от Чернигова), постриженник св. горы Афонской. Придя в Киев, избрал местом поселения одну пещеру в лесистой горе близ Днепра. Богоугодная, подвижническая жизнь преп. Антония собрала около него многих, желавших, под его руководством, проводить иноческую жизнь. Так возник знаменитой Киево-Печерский монастырь. Скончался преп. Антоний 90-летним старцем, после 46-летних подвигов в пещере, в 1073 г, 7 мая. Память его 10 июля.

² Всеволод Ярославич княжил первый раз шесть месяцев (1075-1076 гг.) и второй раз с 1078 по 1093 год.

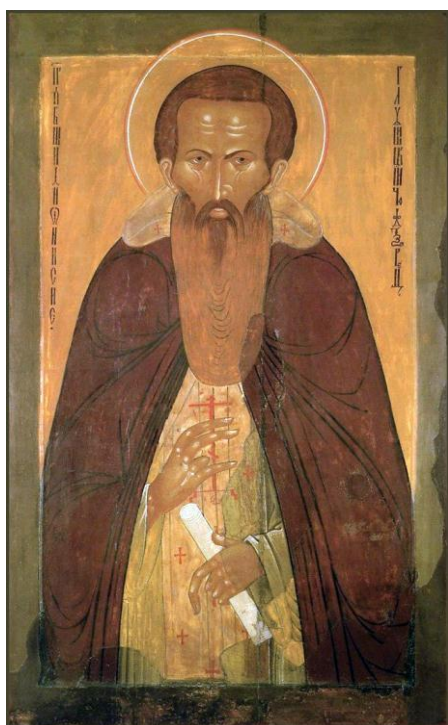
³ Владимир Всеволодович княжил затем в Киеве с 1114 по 1125 год.

⁴ Армяне разделяют монофизитскую ересь, осужденную четвертым Вселенским еобором в Халкидоне (451 г.) и отвергают все последовавшие за ним Вселенские соборы. Сущность монофизитской ереси соотноит в учении, что Господь Иисус Христос, рожденный из двух природ или естеств, пребывает не в двух - ибо человеческая

природа в Лице Бога - Слова так тесно соединилась с Его Божественною природою, что только мысленно может от нее отличаться. В древней Руси вообще существовал взгляд на армян, как злых еретиков: так, митрополит Киприан (1376-1406) в своих канонических ответах писал игумену Афанасию: "армянская же ересь гнуснейшая паче всех ересей; сего ради не достоин православному крестьянину (т. е. христианину) ни едино же общение имети с ними"

⁵ Прп. Агапит скончался не позднее 1095 года, мощи его почивают в пещере св. Антония.

Память преподобного отца нашего Дионисия, игумена Глушицкого, нового чудотворца

Сей преподобный отец наш Дионисий подвизался сперва вблизи озера, называвшегося Великим Кубенским¹ и находившегося на расстоянии четырнадцати поприщ² на восток от города Вологды. Впоследствии он оставил это место и в сопровождении инока, по имени Пахомия, стал обходить многие места, расположенные в окрестностях названного озера, ища такого, где бы в уединении он мог отдаться служению Богу. Преподобный Дионисий и Пахомий пришли в селение, называвшееся Лучицей³, и здесь прежде всего построили себе келлию, а вскоре после сего соорудили и церковь во имя святого Николая, которую и освятили по благословению ростовского епископа Григория. После сего стали собираться к ним иноки, чтобы жить с ними и подвизаться для душевного спасения. Устроив на указанном месте монастырь, преподобный Дионисий учредил в нем общежитие и, приняв после сего сан священника⁴, стал в чистоте приносить жертву Господу.

Вскоре после сего преподобный поставил настоятелем устроенного им монастыря ученика своего, вышеназванного Пахомия, и, преподав благословение мира братии, сам удалился из монастыря на расстояние пятнадцати поприщ, на реку Глушицу, и там остановился на ночлег. В тонком сне он услышал как бы голос, раздающийся в этом пустынном месте и зовущий его. Он тотчас же пробудился, почувствовал великую радость и, сотворив молитву, водрузил на сем месте крест, который принес с собою, а потом под одним деревом, - которое и до настоящего времени растет внутри монастыря, имеет чёрные ягоды и называется черёмухой, - соорудил себе небольшую келлию. Один человек, страдавший зубною болью, съел с верою ягоду с этого дерева и тотчас же почувствовал себя здоровым. После сего преподобный Дионисий предался на сем месте строгому воздержанию, всеобщему бодрствованию, посту и молитве. И спустя немного времени один за другим стали приходить к нему на это место иноки, так что число учеников его стало умножаться. Видя это, преподобный построил на этом месте церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Покрова⁵, и устроил монастырь. Прошло несколько лет после сего, и число иноков увеличилось до того, что помещение в церкви оказалось для них малым, и они стали просить святого Дионисия, чтобы он построил для них другую церковь, большую этой. Исполняя просьбу братии, преподобный построил новую церковь,⁶ значительно большую первой, чудно украсил ее иконами⁷, снабдил книгами и неленостно стал поучать братию, наставляя их в том, что должно было принести им душевную пользу.

Однажды, когда преподобный собрался идти в церковь к богослужению, на него напало множество бесов. Скрежеща зубами, они стали его бить, а затем, поднявши пол, положили его там и говорили ему:

- Уйди из этого места, иначе ты умрешь злою смертью!

Но преподобный молитвою победил их слабую силу, и они тотчас же исчезли. Между тем братия, не видя святого, пришли в его келлию и, нашедши его придавленным половыми досками, подняли пол, после чего он сказал им:

- Видите, братия, какую борьбу ведут с нами враги наши, но пусть это не устрашает нас.

После сего преподобный Дионисий тайно от братии ушел из монастыря и пришел в пустынное место, находившееся в четырех поприщах к югу от большой лавры⁸ на берегу той же реки Глушицы и называвшееся Сосновцем. Здесь он соорудил церковь во имя Иоанна Крестителя⁹, построил келлии и переселил сюда из своего монастыря некоторых из братии. Он сказал им, что здесь будет погребено тело его и поведал им всё необходимое для своего содержания получать из большой лавры. На этом последнем месте своих подвигов еще за семь лет до своей кончины преподобный сам выкопал для себя могилу, чтобы она каждый день напоминала ему о том часе, когда в нее будет положено тело его. С этого времени он еще более усилил свои богоугодные подвиги в посте, молитве и бодрствовании и много раз всю ночь простаивал на морозе, утруждая этим плоть свою. Совершив силою Христовою множество чудес и причастившись пред исходом души своей Пречистого Тела и Крови, преподобный Дионисий преставился в вечный покой"¹⁰.

Тропарь, глас 1:

Божественною любовию от юнсти расалаемь Дионисие преподобне, вся яже в мире красная возненавидев, Христа единого возлюбил еси: и сего ради во внутреннюю пустыню вселился еси, со зверьми живой, весь Христови¹¹. Отонудуже и всевидящее око¹² твоя труды виде, даром чудес и по преставлении обогатил тя есть. Темже вопием ти: моли непрестанно о всех нас, честную память твою присно в песнях почитающих.

Кондак, глас 8:

Все твое умное желание к Богу вперив, тому невозвратно от души последовал еси, в пустыню вселился, и тамо ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению: сего ради и Христос тебе прослави, и даром чудес обогати. Темже вси вопием ти: радуйся Дионисие преподобне, пустынный жителю.

¹ Преподобный Дионисий, в мире Димитрий, родился в 1362 году в окрестностях города Вологды. О его родителях и жизни его до принятия иночества не сохранилось сведений. Он был пострижен Дионисием, игуменом Спасокаменной обители, находившейся на Кубенском озере, и в этой обители подвизался 9 лет. Кубенское озеро названо "Великим" вероятно потому, что из всех озер Вологодского края оно - самое большое.

² Поприще - мера расстояние в 690 сажений.

³ Селение Лучица, называемое иначе "Святая Лука", находилось на берегу Кубенского озера у устьев реки Кубени. Здесь до прихода преподобного Дионисия существовал пришедший в запустение монастырь, и Дионисий его возобновил.

⁴ Преподобный Дионисий был рукоположен в иерейский сан ростовским архиепископом Григорием и, по мнению преосвященного Филарета (Жития святых, июнь, стр. 11) еще до окончания постройки храма на Лучице.

⁵ Эта церковь построена была в 1403 году. Кубенский князь Димитрий, желая оказать помощь преподобному Дионисию, прислал для ее построения своих мастеров, плотников.

⁶ Эта вторая церковь построена была чрез 9 лет после первой, в 1412 году.

⁷ Преподобный Дионисий сам писал иконы, так как был искусным художником. До сих пор сохранились иконы, писанные его рукою. Так, в Прилуцком монастыре показывается икона преподобного Димитрия, написанная им; в Кирилло-Белозерском монастыре в иконостасе собора есть образ преподобного Кирилла - тоже его работы и др.

⁸ Так назван здесь Покровский монастырь, из которого удалился преподобный.

⁹ Этот храм был построен в 1420 году.

¹⁰ Преподобный Дионисий скончался 74 лет от роду в воскресный день 1-го Июня 1437 года. Московский Собор, бывший в 1847 году при митрополите Макарии, причислил его к лику святых, а в 16 столетии была построена первая церковь во имя его Мощи его почивают под спудом в Сосновецком монастыре в храме во имя святых Дионисия и Амфилохия. В монастыре хранятся две иконы, - одна Покрова, а другая Знамения

Божией Матери, - обе по преданию написаны преподобным Дионисием. Наружность преподобного была такая: роста он был низкого и телом весьма худ, голову имел немалую, брови - полукруглые, лицо - продолговатое, щеки - впалые, глаза - кроткие, бороду - до груди, густую, волосы - светлорусые и полуседые.

¹¹ Весь Христови, т.е. всего себя отдал Христу, все силы свои посвятил исполнению заповедей Христовых.

¹² Всевидящее око, т.е. всевидящий Бог.

Праведный Иоанн Кронштадтский, пресвитер

Дни памяти

14 июня - Прославление

1 ноября - Собор святых Архангельской митрополии

2 января

1 декабря - Собор святых Эстонской земли

14 июля (переходящая) - Собор Санкт-Петербургских святых

Св. прав. Иоанн Кронштадтский (1829-1908) — великий пастырь и чудотворец. Сын бедного сельского дьячка из Архангельской губернии, с детства проявлял особую религиозность. Окончив духовную академию, 53 года служил в Андреевском соборе Кронштадта, где ежедневно совершал Литургию. Прославился как пламенный молитвенник, прозорливец и бесребреник — все

пожертвования раздавал нищим, основал "Дом трудолюбия". Его молитва исцеляла тяжелобольных, прекращала эпидемии. Духовный дневник "Моя жизнь во Христе" стал классикой аскетической литературы. Особо почитал Таинство Причастия, называя его "небом на земле". При жизни к нему стекались тысячи верующих со всей России. Канонизирован в 1990 году.

Святой праведный отец Иоанн, Кронштадтский чудотворец, родился 19 октября 1829 года в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии – на далеком севере России, в семье бедного сельского дьячка Илии Сергиева и жены его Феодоры. Новорожденный казался столь слабым и болезненным, что родители поспешили тотчас же окрестить его, причем нарекли его Иоанном в честь преподобного Иоанна Рыльского, в тот день Св. Церковью празднуемого. Вскоре после Крещения младенец Иоанн стал заметно поправляться. Благочестивые родители, приписав это благодатному действию св. Таинства Крещения, стали с особою ревностью направлять его мысль и чувство к Богу, приучая его к усердной домашней и церковной молитве. Отец с раннего детства постоянно брал его в церковь и тем воспитал в нем особенную любовь к богослужению.

Живя в суровых условиях крайней материальной нужды, отрок Иоанн рано познакомился с безотрадными картинами бедности, горя, слез и страданий. Это сделало его сосредоточенным, вдумчивым и замкнутым в себе и, вместе с тем, воспитало в нем глубокое сочувствие и сострадательную любовь к беднякам. Не увлекаясь свойственными детскому возрасту играми, он, нося постоянно в сердце своем память о Боге, любил природу, которая возбуждала в нем умиление и преклонение пред величием Творца всякой твари.

На шестом году отрок Иоанн при помощи отца начал учиться грамоте. Но грамота вначале плохо давалась мальчику. Это его печалило, но это же подвигло и на особенно горячие молитвы к Богу о помощи. Когда отец его, собрав последние средства от скудости

своей, отвез его в Архангельское приходское училище, он, особенно остро почувствовав там свое одиночество и беспомощность, все утешение свое находил только в молитве. Молился он часто и пламенно, горячо прося у Бога помощи. И вот после одной из таких горячих молитв, ночью, мальчика вдруг точно потрясло всего, "точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове", "легко и радостно так стало на душе": ему ясно представился учитель того дня, его урок, он вспомнил даже, о чем и что он говорил. Чуть засветлело, он вскочил с постели, схватил книги – и, о счастье! Он стал читать гораздо лучше, стал хорошо понимать все и запоминать прочитанное.

С той поры отрок Иоанн стал отлично учиться: одним из первых окончил училище, первым окончил Архангельскую духовную семинарию и был принят на казенный счет в С.-Петербургскую Духовную Академию.

Еще учась в семинарии, он лишился нежно любимого им отца. Как любящий и заботливый сын, Иоанн хотел было прямо из семинарии искать себе место диакона или псаломщика, чтобы содержать оставшуюся без средств к существованию старушку-мать. Но она не пожелала, чтобы сын из-за нее лишился высшего духовного образования, и настояла на его поступлении в академию.

Поступив в академию, молодой студент не оставил свою мать без попечения: он выхлопотал себе в академическом правлении канцелярскую работу и весь получавшийся им скудный заработок полностью отсылал матери.

Учась в академии, Иоанн первоначально склонялся посвятить себя миссионерской работе среди дикарей Сибири и Северной Америки. Но Промыслу Божию угодно было призвать его к иного рода пастырской деятельности. Размышляя однажды о предстоящем ему служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был. Он принял это за указание свыше. Скоро сон сбылся с буквальной точностью. В 1855 году, когда Иоанн Сергиев окончил курс академии со степенью кандидата богословия, ему предложено было вступить в брак с дочерью протоиерея кронштадтского Андреевского собора К. Несвитского Елисаветой и принять сан священника для служения в том же соборе. Вспомнив свой сон, он принял это предложение.

12 декабря 1855 года совершилось его посвящение в священника. Когда он впервые вошел в кронштадтский Андреевский собор, он остановился почти в ужасе на его пороге: это был именно тот храм, который задолго до того представлялся ему в его детских видениях. Вся остальная жизнь о. Иоанна и его пастырская деятельность протекала в Кронштадте, почему многие забывали даже его фамилию "Сергиев" и называли его "Кронштадтский", да и сам он нередко так подписывался.

Брак о. Иоанна, который требовался обычаями нашей Церкви для иерея, проходящего свое служение в миру, был только фиктивный, нужный ему для прикрытия его самоотверженных пастырских подвигов: в действительности он жил с женой, как брат с сестрой. "Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобою давай посвятим себя на служение Богу", – так сказал он своей жене в первый же день своей брачной жизни, до конца дней своих оставаясь чистым девственником.

Хотя однажды о. Иоанн и говорил, что он не ведет аскетической жизни, но это, конечно, сказано было им лишь по глубокому смирению. В действительности, тщательно скрывая от людей свое подвижничество, о. Иоанн был величайшим аскетом. В основе его аскетического подвига лежала непрестанная молитва и пост. Его замечательный дневник "Моя жизнь во Христе" ярко свидетельствует об этой его аскетической борьбе с греховными помыслами, этой "невидимой брани", которую заповедуют всем истинным христианам древние великие отцы-подвижники. Строгого поста, как душевного, так и телесного, требовало естественно от него и ежедневное совершение Божественной литургии, которое он поставил себе за правило.

При первом же знакомстве со своей паствой о. Иоанн увидел, что здесь ему предстоит не меньшее поле для самоотверженной и плодотворной пастырской деятельности, нежели в далеких языческих странах. Безверие, иновение и сектантство, не говоря уже о полном религиозном индифферентизме, процветали тут. Кронштадт был местом административной высылки из столицы разных порочных людей. Кроме того, там много было чернорабочих, работавших главным образом в порту. Все они ютились по большей части в жалких лачугах и землянках, попрошайничали и пьянствовали. Городские жители немало терпели от этих морально опустившихся людей, получивших название "посадских". Ночью не всегда безопасно было пройти по улицам, ибо был риск подвергнуться нападению грабителей.

Вот на этих-то, казалось, нравственно погибших людей, презираемых всеми, и обратил свое внимание исполненный духа подлинной Христовой любви наш великий пастырь. Среди них-то он и начал дивный подвиг своего самоотверженного пастырского делания. Ежедневно стал он бывать в их убогих жилищах, беседовал, утешал, ухаживал за больными и помогал им материально, раздавая все, что имел, нередко возвращаясь домой раздетым и даже без сапог. Эти кронштадтские "босяки", "подонки общества", которых о. Иоанн силою своей сострадательной пастырской любви опять делал людьми, возвращая им утраченный ими было человеческий образ, первыми "открыли" святость о. Иоанна. И это "открытие" очень быстро восприняла затем вся верующая народная Россия.

Необыкновенно трогательно рассказывает об одном из таких случаев духовного возрождения благодаря о. Иоанну один ремесленник: "Мне было тогда годов 22–23. Теперь я старик, а помню хорошо, как видел в первый раз батюшку. У меня была семья, двое детишек. Я работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку по миру сбирала. Жили в дрянной конурке. Прихожу раз не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит, на руках сынишку держит и что-то ему говорит ласково. Ребенок серьезно слушает. Мне все кажется, батюшка был, как Христос на картинке "Благословение детей". Я было ругаться хотел: вот, мол, шлятся... да глаза батюшки ласковые и серьезные меня остановили: стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит – прямо в душу смотрит. Начал говорить. Не смею передать все, что он говорил. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что где дети, там всегда и тепло и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал..."

Такой необычный пастырский подвиг молодого пастыря стал вызывать нарекания и даже нападки на него со всех сторон. Многие долго не признавали искренности его настроения, глумились над ним, клеветали на него устно и печатно, называли его юродивым. Одно время епархиальное начальство воспретило даже выдавать ему на руки жалование, так как он, получив его в свои руки, все до последней копейки раздавал нищим, вызывало его для объяснений. Но все эти испытания и глумления о. Иоанн мужественно переносил, ни в чем не изменяя в угоду нападавшим на него принятого им образа жизни. И с Божией помощью он победил всех и вся, и за все то, над чем в первые годы пастырства над ним смеялись, поносили, клеветали и преследовали, впоследствии стали прославлять, поняв, что перед ними истинный последователь Христов, подлинный пастырь, полагающий душу свою за овцы своя.

"Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его, – говорил о. Иоанн. – Не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нем..." С таким сознанием он и шел к людям, всех побеждая и возрождая силою своей истинно пастырской сострадающей любви.

Скоро открылся в о. Иоанне и дивный дар чудотворения, который прославил его на всю Россию и даже далеко за пределами ее. Нет никакой возможности перечислить все чудеса, совершенные о. Иоанном. Наша неверующая интеллигенция и ее печать намеренно замалчивали эти бесчисленные явления силы Божией. Но все же очень много чудес записано и сохранено в памяти. Сохранилась точная запись рассказа самого о. Иоанна о

первом его чуде своим сопастырям-священникам. Глубоким смирением дышит этот рассказ. "Кто-то в Кронштадте заболел, – так рассказывал об этом о. Иоанн. – Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда уже была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка, которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко верующая женщина, прошедшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божиим кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: как я могу – думал я – иметь такое дерзновение? Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою – он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость. В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо уже усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога – молиться за тех, кто будет этого просить".

По молитве о. Иоанна действительно совершалось и теперь, по его блаженной кончине, продолжает совершаться множество дивных чудес. Излечивались молитвою и возложением рук о. Иоанна самые тяжкие болезни, когда медицина терялась в своей беспомощности. Исцеления совершались как наедине, так и при большом стечении народа, а весьма часто и заочно. Достаточно было иногда написать письмо о. Иоанну или послать телеграмму, чтобы чудо исцеления совершилось. Особенно замечательно происшедшее на глазах у всех чудо в селе Кончанском (Суворовском), описанное случайно находившейся тогда там суворовской комиссией профессоров Военной академии (в 1901 г.). Женщина, много лет страдавшая беснованием и приведенная к о. Иоанну в бесчувственном состоянии, через несколько мгновений была им совершенно исцелена и приведена в нормальное состояние вполне здорового человека. По молитве о. Иоанна прозревали слепые. Художником Животовским описано чудесное пролитие дождя в местности, страдавшей засухой и угрожаемой лесным пожаром, после того как о. Иоанн вознес там свою молитву. О. Иоанн исцелял силою своей молитвы не только русских православных людей, но и мусульман, и евреев, и обращавшихся к нему из-за границы иностранцев. Этот великий дар чудотворения, естественно, был наградой о. Иоанну за его великие подвиги – молитвенные труды, пост и самоотверженные дела любви к Богу и ближним.

И вот скоро вся верующая Россия потекла к великому и дивному чудотворцу. Наступил второй период его славной жизни, его подвигов. Вначале он сам шел к народу в пределах одного своего города, а теперь народ сам отовсюду, со всех концов России, устремился к нему. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть о. Иоанна и получить от него ту или иную помощь. Еще большее число писем и телеграмм получал он: кронштадтская почта для его переписки должна была открыть особое отделение. Вместе с письмами и телеграммами текли к о. Иоанну и огромные суммы денег на благотворительность. О размерах их можно судить только приблизительно, ибо, получая деньги, о. Иоанн тотчас же все раздавал. По самому минимальному подсчету, чрез его руки проходило в год не менее одного миллиона рублей (сумма по тому времени громадная!). На эти деньги о. Иоанн ежедневно кормил тысячу нищих, устроил в Кронштадте замечательное учреждение – "Дом Трудолюбия" со школой, церковью, мастерскими и приютом, основал в своем родном селе женский монастырь и воздвиг большой каменный храм, а в С.-Петербурге построил женский монастырь на Карповке, в котором и был по кончине своей погребен.

К общей скорби жителей Кронштадта, во второй период своей жизни, период своей всероссийской славы, о. Иоанн должен был оставить преподавание Закона Божия в Кронштадтском городском училище и в Кронштадтской классической гимназии, где он преподавал свыше 25 лет. А был он замечательным педагогом-законоучителем. Он никогда не прибегал к тем приемам преподавания, которые часто имели место тогда в наших

учебных заведений, то есть ни к чрезмерной строгости, ни к нравственному принижению неспособных. У о. Иоанна мерами поощрения не служили отметки, ни мерами устрашения – наказания. Успехи рождало теплое, душевное отношение его как к самому делу преподавания, так и к ученикам. Поэтому у него не было "неспособных". На его уроках все без исключения жадно вслушивались в каждое его слово. Урока его ждали. Уроки его были скорее удовольствием, отдыхом для учащихся, чем тяжелой обязанностью, трудом. Это была живая беседа, увлекательная речь, интересный, захватывающий внимание рассказ. И эти живые беседы пастыря-отца с своими детьми на всю жизнь глубоко запечатлевались в памяти учащихся. Такой способ преподавания он в своих речах, обращаемых к педагогам перед началом учебного года, объяснял необходимостью дать отечеству прежде всего человека и христианина, отодвигая вопрос о науках на второй план. Нередко бывали случаи, когда о. Иоанн, заступившись за какого-нибудь ленивого ученика, приговоренного к исключению, сам принимался за его исправление. Проходило несколько лет, и из ребенка, не подававшего, казалось, никаких надежд, вырабатывался полезный член общества. Особенное значение о. Иоанн придавал чтению житий святых и всегда приносил на уроки отдельные жития, которые раздавал учащимся для чтения на дому. Характер такого преподавания Закона Божия о. Иоанном ярко запечатлен в адресе, поднесенном ему по случаю 25-летия его законоучительства в Кронштадтской гимназии: "Не сухую схоластику ты детям преподавал, не мертвую формулу – тексты и изречения – ты им излагал, не заученных только на память уроков ты требовал от них; на светлых, восприимчивых душах ты сеял семена вечного и животворящего Глагола Божия".

Но этот славный подвиг плодотворного законоучительства о. Иоанн должен был оставить ради еще более плодотворного и широкого подвига своего всероссийского душепопечения.

Надо только представить себе, как проходил день у о. Иоанна, чтобы понять и прочувствовать всю тяжесть и величие этого его беспримерного подвига. Вставал о. Иоанн ежедневно в 3 часа ночи и готовился к служению Божественной литургии. Около 4 часов он отправлялся в собор к утрени. Здесь его уже встречали толпы паломников, жаждавших получить от него хотя бы благословение. Тут же было и множество нищих, которым о. Иоанн раздавал милостыню. За утреней о. Иоанн непременно сам всегда читал канон, придавая этому чтению большое значение. Перед началом литургии была исповедь. Исповедь, из-за громадного количества желавших исповедоваться у о. Иоанна, была им введена, по необходимости, общая. Производила она – эта общая исповедь – на всех участников и очевидцев потрясающее впечатление: многие каялись вслух, громко выкрикивая, не стыдясь и не стесняясь, свои грехи. Андреевский собор, вмещавший до 5.000 чел., всегда бывал полон, а потому очень долго шло причащение, и литургия раньше 12 часов дня не оканчивалась. По свидетельству очевидцев и сослуживших о. Иоанну, совершение о. Иоанном Божественной литургии не поддается описанию. Ласковый взор, то умильный, то скорбный, в лице сияние благорасположенного духа, молитвенные вздохи, источники слез, источаемых внутренне, порывистые движения, огонь благодати священнической, проникающий его мощные возгласы, пламенная молитва – вот некоторые черты о. Иоанна при богослужении. Служба о. Иоанна представляла собою непрерывный горячий молитвенный порыв к Богу. Во время службы он был воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за грехи их, был живым звеном, соединявшим Церковь земную, за которую он предстательствовал, и Церковь небесную, среди членов которой он витал в те минуты духом. Чтение о. Иоанна на клиросе – это было не простое чтение, а живая восторженная беседа с Богом и Его святыми: читал он громко, отчетливо, проникновенно, и голос его проникал в самую душу молящихся. А за Божественной литургией все возгласы и молитвы произносились им так, как будто своими просветленными очами лицом к лицу видел он пред собою Господа и разговаривал с Ним. Слезы умиления лились из его глаз, но он не замечал их. Видно было, что о. Иоанн во время Божественной литургии переживал всю историю нашего спасения, чувствовал глубоко и сильно всю любовь к нам Господа,

чувствовал Его страдания. Такое служение необычайно действовало на всех присутствующих. Не все шли к нему с твердой верой: некоторые с сомнением, другие с недоверием, а третьи из любопытства. Но здесь все перерождалось и чувствовали, как лед сомнения и неверия постепенно таял и заменялся теплотой веры. Причащающихся после общей исповеди бывало всегда так много, что на святом престоле стояло иногда несколько больших чаш, из которых несколько священников приобщали верующих одновременно. И такое причащение продолжалось нередко более двух часов.

Во время службы письма и телеграммы приносились о. Иоанну прямо в алтарь, и он тут же прочитывал их и молился о тех, кого просили его помянуть.

После службы, сопровождаемый тысячами верующих, о. Иоанн выходил из собора и отправлялся в Петербург по бесчисленным вызовам к больным. И редко когда возвращался домой ранее полуночи. Надо полагать, что многие ночи он совсем не имел времени спать.

Так жить и трудиться можно было, конечно, только при наличии сверхъестественной благодатной помощи Божией!

Но и самая слава о. Иоанна была его величайшим подвигом, тяжким трудом. Подумать только, что ведь всюду, где бы он ни появился, около него мгновенно вырастала толпа жаждавших хотя бы лишь прикоснуться к чудотворцу. Почитатели его бросались даже за быстро мчавшейся каретой, хватая ее за колеса с опасностью быть изувеченными.

По желанию верующих о. Иоанну приходилось предпринимать поездки в разные города России. Эти поездки были настоящим триумфом смиренного Христова служителя. Стечение народа определялось десятками тысяч, и все бывали объаты чувствами сердечной веры и благоговения, страхом Божиим и жаждою получить целительное благословение. Во время проезда о. Иоанна на пароходе толпы народа бежали по берегу, многие при приближении парохода становились на колени. В имении Рыжовка около Харькова, где поместили о. Иоанна, уничтожены были многотысячной толпой трава, цветы, клумбы. Тысячи народа проводили дни и ночи лагерем около этого имения. Харьковский собор во время служения о. Иоанна 15 июля 1890 года не мог вместить молящихся. Не только весь собор, но и площадь около собора не вместила народа, который наполнял даже все прилегающие улицы. В самом соборе певчие принуждены были поместиться в алтаре. Железные решетки оказались всюду сломанными от давки. 20 июля о. Иоанн совершал молебен на Соборной площади – народу было более 60.000. Точно такие же сцены происходили в поволжских городах: в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде.

О. Иоанн находился в царском дворце в Ливадии при последних днях жизни императора Александра III, и самая кончина государя последовала в его присутствии. Больной государь встретил о. Иоанна словами: "Я не смел пригласить Вас сам. Благодарю, что Вы прибыли. Прошу молиться за меня. Я очень недомогаю"... Это было 12 октября 1894 года. После совместной коленопреклонной молитвы государя наедине с о. Иоанном последовало значительное улучшение здоровья больного и явились надежды на его полное выздоровление. Так продолжалось пять дней; 17 октября началось снова ухудшение. В последние часы своей жизни государь говорил о. Иоанну: "Вы – святой человек. Вы – праведник. Вот почему вас любит русский народ". "Да, – отвечал о. Иоанн, – Ваш народ любит меня". Умирая по принятии Св. Таин и Таинства Елеосвящения, государь просил о. Иоанна возложить свои руки на его голову, говоря ему: "Когда вы держите руки свои на моей голове, я чувствую большое облегчение, а когда отнимаете, очень страдаю – не отнимайте их". О. Иоанн так и продолжал держать свои руки на главе умирающего царя, пока царь не предал душу свою Богу.

Достигнув высокой степени молитвенного созерцания и бесстрастия, о. Иоанн спокойно принимал богатые одежды, преподносимые ему его почитателями, и облачался в них. Это ему даже и нужно было для прикрытия своих подвигов. Полученные же пожертвования раздавал все до последней копейки. Так, например, получив однажды при громадном стечении народа пакет из рук купца, о. Иоанн тотчас же передал его в протянутую руку бедняка, не вскрывая даже пакета. Купец взволновался: "Батюшка, да там тысяча рублей!"

– "Его счастье", – спокойно ответил о. Иоанн. Иногда, однако, он отказывался принимать от некоторых лиц пожертвования. Известен случай, когда он не принял от одной богатой дамы 30 000 рублей. В этом случае проявилась прозорливость о. Иоанна, ибо эта дама получила эти деньги нечистым путем, в чем после и покалась.

Был о. Иоанн и замечательным проповедником, причем говорил он весьма просто и чаще всего без особой подготовки – экспромтом. Он не искал красивых слов и оригинальных выражений, но проповеди его отличались необыкновенной силой и глубиной мысли, а вместе с тем и исключительной богословской ученостью, при всей своей доступности для понимания даже простыми людьми. В каждом слове его чувствовалась какая-то особенная сила как отражение силы его собственного духа.

Несмотря на всю свою необыкновенную занятость, о. Иоанн находил, однако, время вести как бы духовный дневник, записывая ежедневно свои мысли, приходившие ему во время молитвы и созерцания, в результате "благодатного озарения души, которого удостаивался он от всепросвещающего Духа Божия". Эти мысли составили собою целую замечательную книгу, изданную под заглавием: "Моя жизнь во Христе". Книга эта представляет собою подлинное духовное сокровище и может быть поставлена наравне с вдохновенными творениями древних великих отцов Церкви и подвижников христианского благочестия. В полном собрании сочинений о. Иоанна издания 1893 г. "Моя жизнь во Христе" занимает 3 тома в 1000 с лишком страниц. Это – совершенно своеобразный дневник, в котором мы находим необыкновенно поучительное для каждого читателя отражение духовной жизни автора. Книга эта на вечные времена останется ярким свидетельством того, как жил наш великий праведник и как должно жить всем тем, кто хотят не только называться, но и в действительности быть христианами.

Замечательным памятником святой личности о. Иоанна и неисчерпаемым материалом для назидания являются также три тома его проповедей, содержащие общим счетом до 1800 страниц. Впоследствии накопилось еще очень много отдельных сочинений о. Иоанна, издававшихся отдельными книжками в огромном количестве. Все эти слова и поучения о. Иоанна – подлинное веяние Св. Духа, раскрывающее нам неисследимые глубины Премудрости Божией. В них поражает дивное своеобразие во всем: в изложении, в мысли, в чувстве. Каждое слово – от сердца, полно веры и огня, в мыслях – изумительная глубина и мудрость, во всем поразительная простота и ясность. Нет ни одного лишнего слова, нет "красивых фраз". Их нельзя только "прочитать" – их надо всегда перечитывать, и всегда найдешь в них что-то новое, живое, святое.

"Моя жизнь во Христе" уже вскоре после своего выхода в свет настолько привлекла к себе всеобщее внимание, что была переведена на несколько иностранных языков, а у англиканских священников сделалась даже любимейшей настольной книгой.

Основная мысль всех письменных творений о. Иоанна – необходимость истинной горячей веры в Бога и жизни по вере, в непрестанной борьбе со страстями и похотями, преданность вере и церкви православной как единой спасающей.

В отношении к нашей Родине – России о. Иоанн явил собою образ грозного пророка Божия, проповедующего истину, обличающего ложь, призывающего к покаянию и предрекающего близкую кару Божию за грехи и за богоотступничество. Будучи сам образом кротости и смирения, любви к каждому человеку независимо от национальности и вероисповедания, о. Иоанн с великим негодованием относился ко всем тем безбожным, материалистическим и вольнодумным либеральным течениям, которые подрывали веру русского народа и подкапывали тысячелетний государственный строй России.

"Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры... Восстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу – и вам, и России". И грозно прорекает: "Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению". "Если в

России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония". "Бедное отечество, когда-то ты будешь благоденствовать?! Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов".

Последующие события кровавой русской революции и торжества безбожного человеконенавистнического большевизма показали, насколько был прав в своих грозных предостережениях и пророческих предвидениях великий праведник земли русской.

К тяжелою подвигу служения людям в последние годы жизни о. Иоанна присоединился мучительный личный недуг – болезнь, которую он кротко и терпеливо переносил, никому никогда не жалуясь. Решительно отверг он предписания знаменитых врачей, пользовавших его, – поддерживать свои силы скоромной пищей. Вот его слова: "Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предпочищения моей грешной души. Оживляет – Святое Причастие". И он приобщался по-прежнему каждый день.

10 декабря 1908 года, собрав остаток своих сил, о. Иоанн в последний раз сам совершил Божественную литургию в кронштадтском Андреевском соборе. А в 7 час. 40 мин. утра 20 декабря 1908 года великий наш праведник мирно отошел ко Господу, заранее предсказав день своей кончины.

В погребении о. Иоанна участвовали и присутствовали десятки тысяч людей, а у гробницы его и тогда и в последующее время совершалось немало чудес. Необычайные то были похороны! На всем пространстве от Кронштадта до Ораниенбаума и от Балтийского вокзала в Петербурге до Иоанновского монастыря на Карповке стояли огромные толпы плачущего народа. Такого количества людей не было до того времени ни на одних похоронах – это был случай в России совершенно беспримерный. Похоронное шествие сопровождалось войсками со знаменами, военные исполняли "Коль славен", по всей дороге через весь город стояли войска шпалерами. Чин отпевания совершал С.-Петербургский митрополит Антоний во главе сонма епископов и многочисленного духовенства. Лобызавшие руку покойного свидетельствуют, что рука оставалась не холодной, не окоченевшей. Заупокойные службы сопровождались общими рыданиями людей, чувствовавших себя осиротевшими. Слышались возгласы: "Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной? Кто придет теперь на помощь нам, сирым, немощным?" Но в отпевании не было ничего скорбного: оно напоминало собою скорее светлую пасхальную заутреню, и чем дальше шла служба, тем это праздничное настроение у молящихся все росло и увеличивалось. Чувствовалось, что из гроба исходит какая-то благодатная сила и наполняет сердца присутствующих какою-то неземною радостью. Для всех ясно было, что во гробе лежит святой, праведник, и дух его незримо носится в храме, объемля своею любовью и ласкою всех собравшихся отдать ему последний долг.

Похоронили о. Иоанна в церкви-усыпальнице, специально устроенной для него в подвальном этаже сооруженного им монастыря на Карповке. Вся церковка эта замечательно красиво облицована белым мрамором; иконостас и гробница – тоже из белого мрамора. На гробнице (с правой стороны храма) лежит Св. Евангелие и резная митра, под которой горит неугасаемый розовый светильник. Множество дорогих художественно исполненных лампад постоянно теплятся над гробницей. Море света от тысяч свечей, возжигаемых богомольцами, заливают этот дивный сияющий храм.

Ныне великое дело церковного прославления нашего дивного праведника, милостью Божией, совершилось. О, если бы это радостное событие воскресило в сердцах всех православных русских людей важнейший завет приснопамятного о. Иоанна и побудило их со всей решительностью последовать ему: «Нам необходимо всеобщее, нравственное очищение, всенародное, глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские: очистимся, омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом – и Он примирится с нами!»

На Поместном Соборе Русской Православной Церкви 7-8 июня 1990 года св. прав. Иоанн Кронштадтский был канонизован и установлено совершать его память 20 декабря / 2 января – в день блаженной кончины святого праведника.

Тропарь, глас 1

Православныя веры поборниче,/ земли Российския печальниче,/ пастырем правило и образе верным,/ покаяния и жизни во Христе проповедниче,/ Божественных Таин благоговейный служителю/ и дерзновенный о людех молитвенниче,/ отче праведный Иоанне,/ целителю и предивный чудотворче,/ граду Кронштадту похвало/ и Церкви наша украшение,/ моли Всеблагаго Бога// умирить мир и спасти души наша.

Кондак, глас 3

Днесь пастырь Кронштадтский/ предстоит Престолу Божию/ и усердно молит о верных/ Христа Пастыреначальника,/ обетование давшаго:/ созижду Церковь Мою, // и врата ада не одолеют ей.

Память преподобного Иустина (Поповича) Челийского¹

Прп. Иустин (Попович) является выдающимся защитником православной веры в XX в. Он родился 25 марта 1894 г. в гор. Вране на юге Сербии. Из его рода вышло семь поколений священнослужителей. При крещении он получил имя Благое, что означает «благовеститель». Вскормленный благочестием родителей, он стал свидетелем чудесного исцеления своей матери. Когда пришло время ее ухода из этого мира, у Благоя было «физическое ощущение бессмертия», поскольку он увидел лицо матери, излучающее покой. На протяжении всей своей жизни он будет свидетелем и выразителем неколебимой веры в победу над смертью, которую Христос Спаситель пришел нам принести.

Ребенком он часто ходил в Пчинский монастырь и потому благоговейно почитал св. Прохора [15 янв.]. С почитанием святых он соединил постоянное чтение Священного Писания и с четырнадцати лет и до конца жизни соблюдал

правило: каждый день прочитывать три главы из Нового Завета.

Жаждая изучать таинства Божественного Откровения, Благое поступил в семинарию Святого Саввы в Белграде (1905–1914), где его учителем был свт. Николай (Велимирович) [20 апр.]. В начале Первой мировой войны он ушел на фронт военным санитаром и, после того как переболел тифом, в рядах сербской армии отступал в Черногорию, а затем до албанского гор. Шкодер. Эти ужасные испытания, во время которых более ста тысяч сербов

¹ Его почитание в народе возникло стихийно сразу после его смерти. Он был канонизирован Сербской Церковью в 1993 г. Мы представляем здесь в сжатом виде биографию, которую нам предоставил Бернар Ле Каро. См. также проповедь «Евангельский человек», произнесенную иеромонахом Амфилохием Радовичем (в настоящее время митрополитом Черногорский) на его похоронах (Le Messenger Orthodoxe. 88 (1981), 3–10. Этот номер был целиком посвящен о. Иустину). В Месяцеслов Русской Православной Церкви данная память не включена.

умерли от голода, холода и истощения, еще более укрепили веру юного Благоя. Ему удалось убедить митрополита Димитрия постричь его в монахи (1916). Его Небесным покровителем стал прп. Иустин Философ, который засвидетельствовал свою любовь ко Христу как философскими рассуждениями, так и мученичеством.

Короткое время Иустин провел в Англии, а затем митрополит и король Сербский направили его в Санкт-Петербург, чтобы он продолжил изучение богословия. Впечатленный благочестием русского народа, св. Иустин испытывал глубокое благоговение перед св. Сергием, св. Серафимом Саровским и св. Иоанном Кронштадтским. Значительно позднее, когда он упоминал святых русских новомучеников, особенно патриарха Тихона, слезы лились из его глаз.

Вскоре сербский монах был вынужден покинуть Россию из-за бедствий военного времени и продолжил образование в Оксфорде (1916–1919), где подготовил докторскую диссертацию по Достоевскому. В ней он изложил критическое отношение русского писателя к западному гуманизму и антропоцентризму. Но, поскольку его научные руководители настаивали на внесении в текст изменений, которые были для него неприемлемы как противоречащие истине, он отказался от защиты диссертации и покинул Англию, не получив степени.

По возвращении в Сербию Иустин стал преподавателем в семинарии гор. Сремски Карловцы, а оттуда отправился в Афины, где защитил диссертацию, озаглавленную «Проблема личности и познания у св. Макария Египетского»². Во время учебы он убедился, что вся западная цивилизация, которая стремится превозносить человека независимо от Бога, зашла в устрашающий тупик. С этого времени он стал бескомпромиссным защитником православного «божественного гуманизма», основанного на личности Христа – истинного Бога и истинного человека, Первого и Последнего, к Которому все стремится, дабы достигнуть своей полноты, и Который остается «высшей ценностью и последним доводом Православия»³.

По возвращении на родину узы дружбы сблизили его с русскими епископами, нашедшими убежище в Сербии: он часто навещал митрополита Киевского Антония (Храповицкого), которому исповедовался, и архиепископа Кишиневского Анастасия, чьей ангельской молитвой восхищался.

Еще во время учебы св. Иустин вел напряженную духовную жизнь. После смерти преподобного был обнаружен его личный дневник, который он вел в эти годы. В нем св. Иустин отметил, что совершал каждый день от пятисот до тысячи поклонов и произносил от тысячи до двух тысяч раз Иисусову молитву. Во время Великого поста он увеличивал это молитвенное правило так, чтобы к Великой Пятнице довести число поклонов до трех тысяч двухсот, а Иисусову молитву – до тысячи восьмисот. «Горе любой мысли, которая не превращается в молитву», – говорил он.

В 1922 г. митрополит Димитрий рукоположил Иустина в священника против его воли.

В том же году он стал преподавателем экзегезы в семинарии в Сремских Карловцах и занимал эту должность несколько лет. В периодическом издании «Христианская жизнь», которое он основал вместе с несколькими молодыми преподавателями, была опубликована его, в то время сенсационная, статья «Внутренняя миссия нашей Церкви»⁴. В ней св. Иустин писал: «Миссия Церкви, божественно-человеческого организма, – органично и лично соединить всех верных с Личностью Христа... Непростительная хула на Христа и Святого Духа – делать из нее национальный институт... Цель ее, наднациональная, вселенская, всечеловеческая, – соединить всех людей во Христе».

² Рус. пер. «Христианство по учению преподобного Макария Египетского» (пер. монаха Анфима) в кн.: Прп. Иустин (Попович). Православная философия истины. Пермь, 2003. С. 69–117.

³ Название статьи 1935 г., которая сохраняет актуальность по сей день и представляет собой один из великих православных богословских текстов XX в.

⁴ 1928. № 9. Рус. пер. в книге: Прп. Иустин Попович. На Богочеловеческом пути. СПб., 1999. С. 252–261.

Прп. Иустин оказал поддержку возникшему Православному народному движению (также называемому Богомольческому) и убедил его членов избрать духовным отцом Высокопреосвященного Николая (Велимировича). Отличительными чертами движения были любовь к молитвенному деланию, стремление к частому причащению и перевод или составление песнопений и молитв на сербском языке, а не на церковнославянском. Его участники внесли струю энтузиазма в ту эпоху и вдохнули евангельскую свежесть в Сербскую Церковь.

В 1927 г. прп. Иустин опубликовал исследование по гносеологии св. Исаака Сирина. Вскоре его направили в семинарию гор. Призрена в Косово, а через год он был назначен в Битолу (бывш. Монастир) в совр. Македонии, где преподавал вместе со св. Иоанном Максимовичем [19 июня].

В 1930–1931 гг. ему была поручена задача устроить церковную жизнь верующих в Закарпатской Руси (тогда территория Чехословакии), которые вернулись в Православие после того, как во время австро-венгерского владычества были обращены в униатство. Когда ему предложили принять епископский сан, он ответил: «Я долгое время смотрел на себя в зеркало Евангелия и пришел к окончательному решению, что ни в коем случае не приму епископский сан, поскольку не обладаю основными качествами епископа».

В 1932 г. он опубликовал первый том своей «Догматики», которую знаменательно озаглавил «Православная философия истины». За этот труд он в 1935 г. получил должность профессора догматического богословия богословского факультета Белградского университета.

Однажды летом он отправился в монастырь Святого Прохора во Вране на повозке, запряженной волами, и встретил по дороге старую женщину, которая шла туда пешком. Он предложил ей сесть в повозку, но та отказалась со словами: «Спасибо тебе, но я бедна и ничего другого не могу предложить святому, кроме этого труда». Отец Иустин ударил тогда себя по лбу и воскликнул: «Ах, Иустин, ты стал профессором богословия, но у тебя нет благочестия этой старой женщины!» Он отослал повозку и продолжил путь пешком вместе с крестьянкой.

Как преподаватель, св. Иустин считал, что «тот, кто не учит вечной жизни, является лжеучителем». Поэтому он вкладывал в учеников не столько различные знания, сколько заботу о поиске Царства Небесного и напоминал им о вопросе юноши, который пришел найти Христа: Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? (Мк. 10:17). В жизни и в преподавании св. Иустин руководствовался словами св. Григория Богослова и даже написал их на первой странице своего Евангелия: «Надобно прежде самому очиститься, потом уже очищать; умудриться, потом умудрять; стать светом, потом просвещать; приблизиться к Богу, потом приводить к Нему других; освятиться, потом освящать»⁵. Всюду, где он бывал, и на всех, кто приходил с ним посоветоваться, он производил глубокое впечатление человека, живущего только для Бога и ради защиты истинности Евангелия. Приняв за образцы пророков и отцов Церкви, он непреклонно утверждал, что в Православии все основано на Евангелии: вера, молитва, подвижничество, церковная служба, Святые Тайны и святые добродетели. Вся традиция Церкви есть не что иное, как живое Евангелие.

Во время тревожных событий, которые предшествовали Второй мировой войне, св. Иустин отказался участвовать в играх политических симпатий, но говорил о евангельской правде без страха перед человеческими притеснениями. Так он прямо и открыто защищал дело Православия, когда Ватикан посредством конкордата (1937) хотел ввести в Югославии католицизм в качестве государственной религии. Непосредственно перед тем как разразилась война, ему было видение распятого Христа, Который возвестил, что сербский народ ожидают страшные испытания.

Вторжение немцев повлекло за собой закрытие богословского факультета, поэтому Иустин жил в различных монастырях и занимался переводом многочисленных трудов

⁵ См.: Григорий Богослов. Слово 3 / Собрание творений: В 2 т. Т. 1. СТСА, 1994. С. 50.

отцов Церкви и составлением комментариев на Священное Писание. Одним из таких исключительно важных трудов было собрание «Житий святых» в двенадцати томах. Осуществленное в это время, оно было полностью опубликовано лишь в конце его жизни. Только со всеми святыми (Еф. 3:18) возможно, по мнению о. Иустина, познать и участвовать в Тайне Бога Христа. Жития святых есть «догматы, претворенные в жизнь», и они образуют истинную «энциклопедию Православия».

После установления в 1945 г. власти коммунистов прп. Иустин был изгнан из университета вместе с двумя сотнями других профессоров. Его арестовали в монастыре Сүково, близ Пирота, и заключили в тюрьму в Белграде. Он едва избежал смертного приговора как «враг народа» благодаря заступничеству патриарха Гавриила, незадолго перед этим освобожденного из концлагеря Дахау.

Не имея возможности преподавать и будучи лишен всех прав, он находил пристанище в разных монастырях, а затем до конца своих дней (1948–1979) жил практически в заключении в маленьком женском монастыре во имя Архангела Михаила в Челие, близ Валево. Но даже здесь коммунисты не оставляли его в покое и часто вызывали в город на допросы. Несколько раз сестры, видя, что он не возвращается, отправлялись в Валево вместе с игуменьей и молча стояли перед зданием политической полиции. Тогда коммунисты, опасаясь восстания местных жителей, освобождали о. Иустина. Неоднократно во время важных событий в жизни Церкви преподобный пытался отправиться в Белград, но всякий раз его силой возвращали обратно.

Свет Христов не мог, однако, остаться сокрытым под спудом. На протяжении этих лет постоянно множество людей приходили за советом к святому исповеднику как из самой Сербии, так и из других стран. Руководствуясь глубоким ощущением единства Православия, которое находится над любым национальным разделением, он отправлял своих лучших воспитанников учиться в Грецию и незадолго до своей кончины сказал тем, кто стоял у его ложа: «Любите греков. Это они наши учителя и наши просветители».

Заключение в монастыре в Челие стало для прп. Иустина также и возможностью новых духовных восхождений. Он неукоснительно соблюдал пост, и вся его жизнь была сосредоточена на богослужении и Божественной литургии, которая, согласно его собственным словам, есть «лестница, мост, который ведет на Небо». На богослужении он поминал бесчисленное множество имен и проливал обильные слезы. Он сознавал, что современный сербский язык отличается от славянского, и потому перевел литургию и иные церковные тексты поэтическим языком, который был понятен народу, но при этом соблюдал священный характер этих текстов.

Еще в юности о. Иустин горячо почитал св. Иоанна Златоуста, поэтому составил удивительные молитвы и акафист в его честь. В 1955 г. ему явился во сне св. Иоанн Златоуст в богослужебном облачении, возложил ему на голову Евангелие и прочел молитвы, которые тот составил. Проснувшись, св. Иустин почувствовал радостный восторг и невыразимое чувство покаяния, которые долго жили в его душе. В 1936 г. ему также являлся св. Серафим Саровский. Преподобный писал: «После этого моя душа была радостна и печальна: радостна, потому что я его видел; печальна, потому что он исчез так быстро».

В 1960-е гг., когда некоторые православные вступили на путь церковного релятивизма, доходя во имя христианского человеколюбия до отрицания единства Церкви Христовой, прп. Иустин снова выступил глашатаем совести Церкви, дабы показать опасность, ей угрожающую⁶.

Если в своих трудах святой и осуждал решительно, словно ветхозаветный пророк, инославные воззрения, то в жизни он очень сопереживал людям и со слезами сострадал человеческому несчастью⁷. Однажды, когда святой смог покинуть монастырь, машина, на

⁶ Рус. пер.: Прп. Иустин (Попович). Православная Церковь и экуменизм. М., 2006. С. 68–78.

⁷ Для того чтобы дать представление о чувствительности и тонкости о. Иустина, достаточно процитировать несколько фраз из замечательного текста «Серна в потерянном раю»: «И я, несчастная серна, я лишь жертва, вечно приносимая на вселенский алтарь печали... О милосердные небеса, я поведаю вам мою тайну: вместо

которой он ехал, остановилась, и перед ним появился калека; увидев его, прп. Иустин разрыдался. Замечали даже, что, идя в церковь, он всегда внимательно смотрел, чтобы не раздавить муравьев. Богослов, которого уважала и побаивалась вся Церковь, нежно любил детей и во время возвышенных бесед с учениками смеялся и играл с их младенцами.

В последние годы жизни, когда условия его заключения несколько смягчились, патриархия пригласила св. Иустина вновь преподавать на факультете, но он отказался, призвав патриархию трудиться над единством Церкви, и сказал: «Спасение – в покаянии, универсальном лекарстве». Незадолго до блаженной кончины преподобный с радостью узнал о публикации «Житий святых» и последнего тома «Догматики», посвященного экклесиологии. Сорок томов сочинений о. Иустина, из которых тридцать опубликованы к настоящему времени, охватывают все области церковной жизни. Но наиболее полно его

горячая любовь ко Христу выразилась в «Комментариях на Новый Завет», написанных поэтическим языком, сравнимым с языком его учителя, св. Николая Охридского (Велимировича).

Достигнув конца земного пути, сербский Иеремия почил после непродолжительной болезни 25 марта (7 апр.) 1979 г., в день своего рождения. Перед тем как отойти ко Господу, он прошептал одному из друзей, который стоял рядом с ним: «Единственный подлинный человек есть Богочеловек Иисус Христос!» Тем самым он подвел итог своего служения, которое состояло в неустанном и бескомпромиссном возглашении Благой Вести о приходе Спасителя.

Три дня спустя клирики разных национальностей совершили его погребение перед множеством верующих, приехавших со всех концов Сербии, Греции и Западной Европы. Один из учеников святого написал об этом так: «Единство Церкви, о

котором печалился в своей жизни о. Иустин и на котором он всегда делал акцент... внезапно осуществилось на его похоронах: в единстве общей веры и любви, в молитвах и совместных песнопениях»⁸. С того времени к могиле о. Иустина стали притекать православные паломники из многих стран, по их молитвам в месте упокоения святого произошли многие чудеса.

Молитвами святых Твоих, Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Аминь.

*«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители
Симонопетра.*

крови в моем сердце слезы... Белые серны рассказали мне, что в незапамятные времена Он прошел по земле, Он, Который есть сама Нежность и Сострадание, и что Он превратил землю в рай» (Прп. Иустин Попович. На Богочеловеческом пути. СПб., 1999. С. 76–84).

⁸ Еп. Афанасий (Евтич). Погребение о. Иустина и сорокадневное поминовение / Прп. Иустин Попович. На Богочеловеческом пути. СПб., 1999. С. 73.